

Рубакин Николай Александрович

**Рассказы о делах в царстве
ЖИВОТНЫХ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Р.**
Рассказы о делах в царстве животных / Рубакин Николай Александрович — М.: Книга
по Требованию, 2023. — 164 с.

ISBN 978-5-519-83718-7

ISBN 978-5-519-83718-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Какъ животныя спасаютъ себя отъ голода и зимняго холода, отъ лѣтней засухи и жары.

Переселеніе бѣлокъ.

Лѣтъ 25 тому назадъ, въ городѣ Нижне-Тагильскѣ (на Уралѣ) случилось невиданное событіе: изъ лѣсу вышла безчисленная стая бѣлокъ и пошла прямо на городъ. Бѣлокъ было очень много въ этой стаѣ, — даже сибирскіе старожилы смотрѣли и дивились, а они видали виды. Бѣлки шли то въ одиночку, то кучками, шли все прямо и прямо, бѣжали по улицамъ, перескакивали черезъ заборы и изгороди, забирались въ дома, наполняли дворы, прыгали по крышамъ, — словомъ, весь городъ подвергся нашествію бѣлокъ. Бѣлка — звѣрекъ пугливый, а тутъ неизвѣстно, куда и страхъ у нея дѣлся: не боится ни людей, ни собакъ, такъ и бѣжить, все впередъ и впередъ. Городскія собаки набросились на бѣлокъ и грызли ихъ не десятками, а цѣлыми сотнями. Люди тоже не дремали: убивали бѣлокъ, чѣмъ могли, чтобы потомъ содрать съ нихъ шкуру и продать. По Нижне-Тагильску пошло настоящее побоище: бѣличья кровь лилась рѣкой, бѣлки гибли тысячами.

Но онѣ и смерти не пугались, а все шли изъ лѣсу, бѣлка за бѣлкой, толпа за толпой, съ утра до поздняго вечера.

Три дня продолжалось это шествіе. Только позднею ночью оно останавливалось, а на утро, лишь забрезжилъ разсвѣтъ, шествіе начиналось снова, по той же дорогѣ. Пройдя городъ, бѣлки шли дальше, доходили, наконецъ, до береговъ рѣки Чусовой. Эта рѣка

широкая и быстра, но и она не останавливала бѣлокъ. Онѣ, какъ очумѣлыя, прыгали въ воду, только пушистый хвостъ откидывали на спину, и изо всѣхъ силъ плыли къ другому берегу. Очевидецъ рассказываетъ, что онѣ только дивился, какъ маленькія бѣлки справляются съ рѣчнымъ теченіемъ и волной. Бѣлки плыли стадомъ. „Сѣлъ я въ лодку—рассказываетъ очевидецъ,—и поплылъ въ самую средину стада. Вижу,—иныя бѣлки совсѣмъ обезси-лѣли,—выглянеть звѣрекъ изъ воды разъ, другой, нырнетъ, опять выглянеть, а тамъ его и снесло потокомъ. Усталымъ бѣлкамъ я протягивалъ весло. Только протяну,—сейчасъ онѣ по веслу взбе-рутся ко мнѣ въ лодку, маленькія такія, гладкія, сядутъ на дно лодки и дрожать. Много ихъ ко мнѣ въ лодку налѣзло. Когда лодка подплыла къ большому судну, бѣлки взобрались на него и сидѣли тамъ кучей, спокойно и довѣрчиво. Бѣдняжки отдыхали. А лишь только судно подошло къ берегу, такъ бѣлки тотчасъ выпрыгнули на песокъ и побѣжали дальше. Много ихъ погибло, но много и перебралось черезъ рѣку и продолжало путь“.

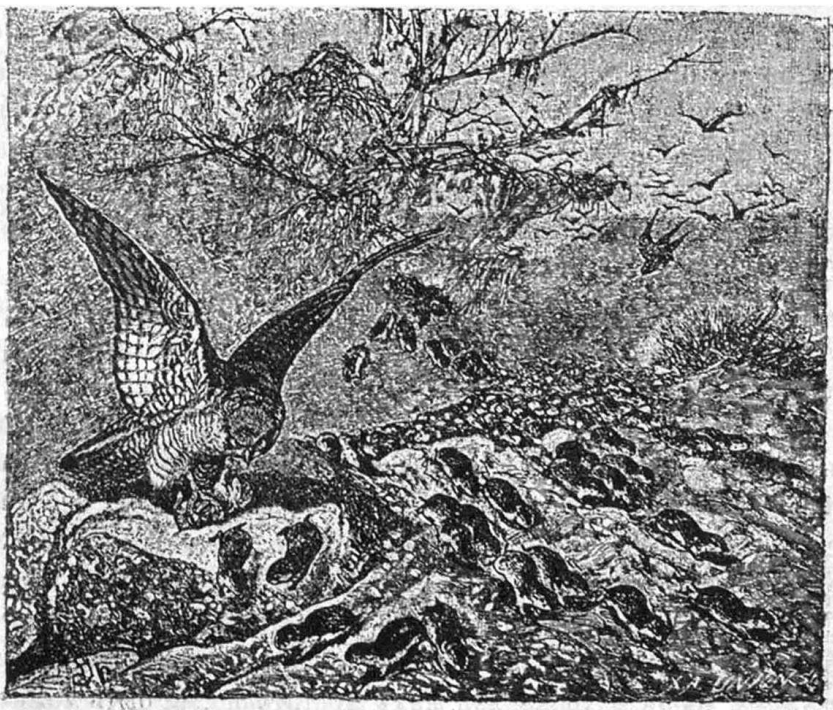
Черезъ Нижне-Тагильскъ прошла огромная стая бѣлокъ. Но это было не главная ихъ армія. Главная же армія шла верстахъ въ восьми отъ Нижне-Тагильска. Въ ней было безчисленное коли-чество бѣлокъ,—не сотни тысячъ, а миллионы. Бѣлки шли далеко за многія сотни верстъ. Онѣ переселялись изъ одного края въ дру-гой, изъ однихъ лѣсовъ въ другіе.

Отчего звѣри переселяются.

Людямъ давно извѣстно, что отъ времени до времени совер-шаются великія переселенія звѣрей.

Переселяются разные звѣри. Въ Архангельской губерніи, на далекомъ сѣверѣ, въ пустынныхъ болотистыхъ степяхъ, которыя зовутся тундрами, живетъ маленькій звѣрекъ пеструшка. Названъ онъ такъ, потому что у него шкурка пестрая, вся пятнами. Звѣ-рекъ этотъ похожъ на маленькаго сурка, ростомъ не больше су-слика или овражка, а прожорливъ не меньше его. Плодятся пест-рушки очень быстро: нѣсколько разъ въ годъ, и каждый разъ у нихъ бываетъ по пяти, по шести дѣтенышей. Въ тундрахъ Архан-гельской губерніи пеструшки водятся во множествѣ. Особенно онѣ

размножаются въ такіе годы, когда послѣ снѣжной зимы наступаетъ теплая весна, а если, послѣ хорошей весны, и лѣто стоитъ теплое, тогда пеструшекъ въ тундрахъ тѣмъ тѣмущая. Пищи у нихъ вдоволь, всѣ сыты—и старья, и малыя. Всѣ живутъ и растутъ, и крѣпнуть. Но подходитъ лѣто къ концу,—ѣды становятся меньше и пеструшкамъ приходится плохо. Въ иные годы имъ совсѣмъ бѣда. Смерть грозитъ отовсюду: ѣсть совсѣмъ нечего,—трава и кусты погибли отъ холода, а что можно было

Переселеніе пеструшекъ.

съѣсть—все съѣдено. Начинается среди пеструшекъ голодъ,—что ни день, то сильнѣй. Бѣдные звѣрьки мечутся по тундрѣ туда и сюда, отыскиваютъ ѣду. Только ѣды нигдѣ нѣтъ. Тогда нападаетъ на пеструшекъ страхъ и ужасъ. Онѣ собираются въ огромныя стада и отправляются въ путь—искать лучшихъ мѣстъ. Онѣ идутъ все прямо, куда глаза глядятъ. Къ однимъ стадамъ присоединяются другія; стада становятся все больше, изъ нихъ набираются огромныя арміи. Эти арміи, голодныя и холодныя, бѣгутъ все впе-

редь и впередь. Пеструшки бѣгутъ рядами; ряды такъ плотны, что кажется—головы заднихъ пеструшекъ упираются въ хвостъ переднихъ. Лапки этихъ маленькихъ звѣрьковъ протаптываютъ во мху глубокія дороги, которыя замѣтны издали.

Чѣмъ дольше идутъ пеструшки, тѣмъ все больше прибавляютъ шагу. Съ жадностью бросаются онѣ на всѣ деревья и кусты, какіе имъ встрѣчаются по пути. Иная мѣстность въ нѣсколько часовъ дѣлается пустыней,—пеструшки поѣдаютъ все, что можно. Для заднихъ рядовъ уже никакой ѣды не остается. Голодъ одолеваетъ ихъ все больше и больше. Оттого звѣрьки бѣгутъ еще быстрѣе, какъ очумѣлые, и ничего не боятся. Если имъ встрѣтится человѣкъ, они пробѣгають у него между ногъ; съ сильными и хищными птицами они пускаются въ драку. Встрѣтится на пути стогъ сѣна,—пеструшки и не подумаютъ обойти его, а прогрызають въ немъ дорогу насквозь.

Онѣ переплываютъ не только рѣки, но и озера, хотя и гибнутъ тысячами.

А за арміями пеструшекъ—идутъ арміи ихъ враговъ. Волки и лисицы, куницы и собаки, орлы, бѣлыя совы, черныя и сѣрыя вороны пожирають ихъ безъ числа. Они съѣдаютъ бѣдныхъ звѣрьковъ сколько лишь могутъ. Чайки и хищныя рыбы схватываютъ тѣхъ пеструшекъ, которыхъ уносятъ волны во время переправы черезъ рѣку. Еще больше гибнетъ пеструшекъ отъ болѣзней и голода. Тысячи мертвыхъ остаются на дорогѣ.

Долго идетъ такое переселеніе, а чѣмъ оно кончается,—неизвѣстно. Быть можетъ, инныя пеструшки и достигаютъ такихъ мѣстъ, гдѣ пищи и тепла для нихъ достаточно, а, быть можетъ, и всѣ онѣ гибнутъ на пути. Рассказываютъ сѣверные жители, что, послѣ такихъ переселеній, пеструшекъ нѣсколько лѣтъ совсѣмъ не бываетъ видно, совсѣмъ онѣ становятся рѣдкостью. А проходя года,—онѣ опять размножаются; отъ нѣсколькихъ паръ, какія уцѣлѣли въ какомъ-нибудь угрюмомъ уголкѣ тундры, опять нарождаются миллионы пеструшекъ. Когда же настанетъ особенно холодный и голодный годъ, начинается опять переселеніе. И такъ идетъ изъ вѣка въ вѣкъ.

Большія переселенія звѣрей совершаются не часто, — одинъ разъ въ нѣсколько лѣтъ, а то и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Совершаются они послѣ такихъ годовъ, когда этимъ звѣрямъ приходится жить особенно плохо. Нечего и говорить, что въ далекія странствованія гонить звѣрей неволя, потому что звѣри, какъ и люди, отъ добра добра не ищутъ. У звѣрей, какъ и у людей, есть постоянные враги, съ которыми не легко справиться. Главные враги—голодъ и холодъ. Голодъ—самый страшный врагъ всѣхъ живыхъ тварей; страшенъ и холодъ, страшны и разные хищники-непріатели. Вотъ и приходится всѣмъ живымъ существамъ какъ-никакъ, а считаться съ этими врагами.

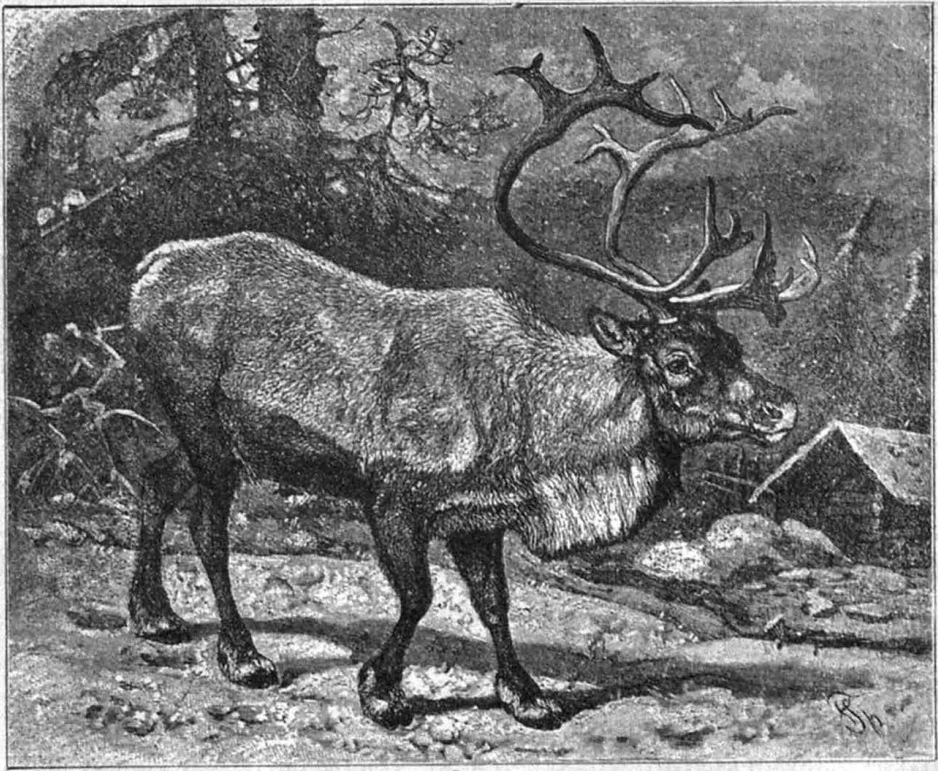
И каждое животное считается съ ними своими средствами.

Дѣло это не легкое. Каждая тварь прежде всего заботится о томъ, какъ бы спасти свою жизнь. Все животное царство вѣчно суетится и копошится, каждый звѣрекъ и каждая букашка борется съ нуждой и бѣдой.

Какъ звѣри каждый годъ путешествуютъ.

Многія животныя изъ-за голода и холода путешествуютъ каждый годъ. Многія животныя безъ этихъ ежегодныхъ путешествій и жить не могутъ. Въ разные времена года они живутъ въ разныхъ странахъ. Путешествуютъ они всегда по одному правилу: изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ становится жить хуже, туда, гдѣ живется лучше. Такъ, напримѣръ, въ тѣхъ же тундрахъ, гдѣ водятся пеструшки, пасутся многочисленныя стада дикихъ оленей. Лишь только настаетъ лѣто, появляется въ тундрахъ безчисленное множество комаровъ, мошекъ и оводовъ. Отъ нихъ и людямъ, и оленямъ совсѣмъ житья нѣтъ лѣтомъ. Чтобы спастись отъ этихъ назойливыхъ враговъ, олени на лѣто покидаютъ тундру. Они собираются большими стадами и идутъ къ городамъ, гдѣ мошкары и оводы меньше. Путь не близкій, но олени дорогу знаютъ: старые олени ведутъ молодыхъ. Оленьи стада проталпываютъ въ тундрахъ настоящія дороги. Эти дороги тянутся на цѣлыя сотни верстъ. Путешественники рассказываютъ, что имъ приходилось видѣть, какъ по этимъ дорогамъ идетъ одно стадо оленей за другимъ: только-что пройдетъ одно, а тамъ уже чернѣетъ другое. Ихъ не страшатъ ни горы, ни рѣки. Они торопятся добраться въ такіа

мѣста, гдѣ и мошкары нѣтъ, да и суровая зима не такъ страшна. А за стадами оленей по пятамъ идутъ, какъ и за пеструшками, ихъ враги: стаи волковъ и медвѣди. Они тоже путешествуютъ и тоже не по своей волѣ: безъ оленей всѣ они въ тундрѣ помрутъ съ голода. Когда наступаетъ весна, олени идутъ въ тундру обратно;

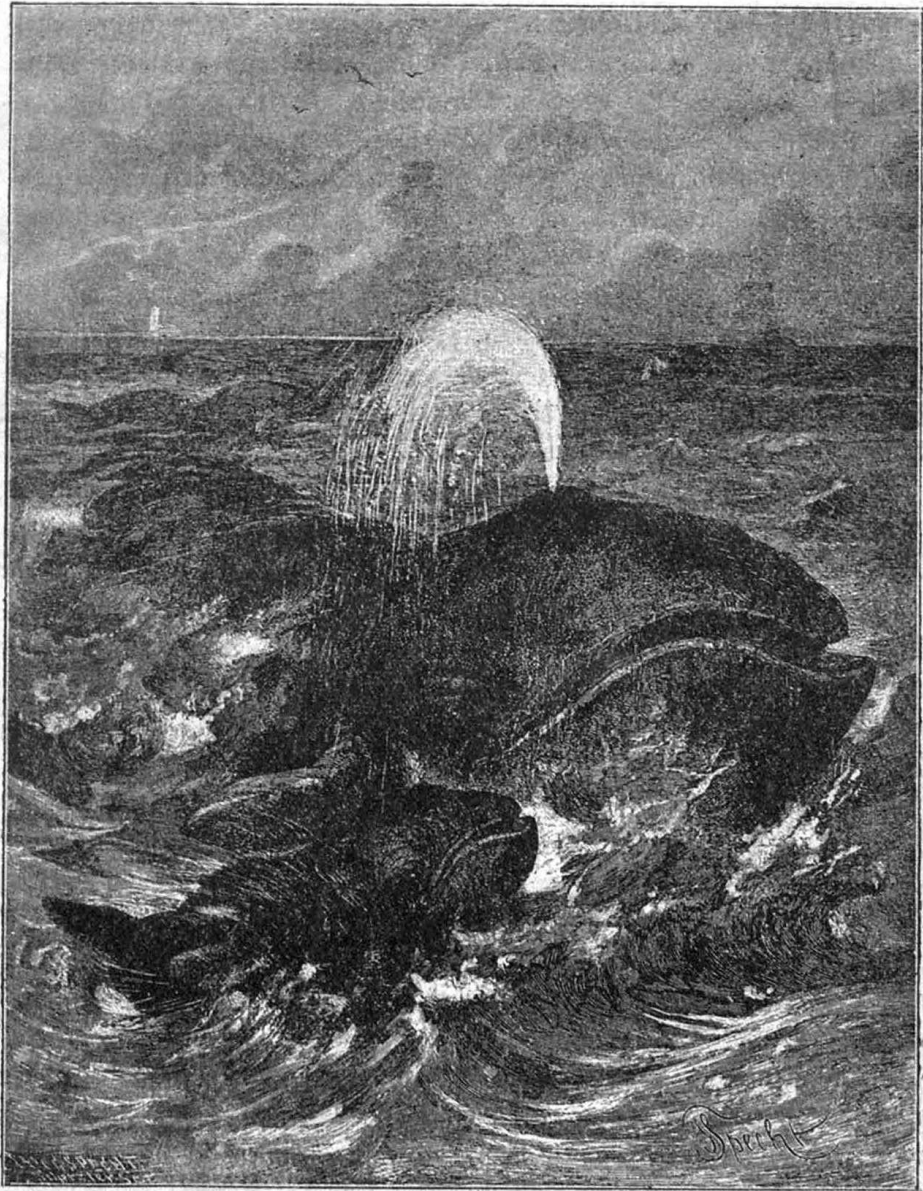
Сѣверный олень.

только весною они уже не торопятся. И снова волки и медвѣди крадутся за ними.

Въ травяныхъ степяхъ Америки живутъ безчисленныя стада буйволовъ. Каждый годъ буйволы совершаютъ далекія путешествія съ сѣвера на югъ. При этомъ они дѣлаютъ не сотни, а тысячи верстъ, а на пути переплываютъ рѣки въ нѣсколько верстъ шириной.

Ежегодно совершаютъ далекія странствованія и киты въ океанахъ. Ни одинъ звѣрь не дѣлаетъ такихъ большихъ концовъ, какъ

китъ. Мореплаватели рассказываютъ, что киты проплываютъ въ своихъ странствованіяхъ до десяти тысячъ верстъ. Одинъ кито-

К и т ъ.

ловъ встрѣтилъ у береговъ жаркой страны того самого кита, котораго онъ поранилъ въ Ледовитомъ океанѣ. Если бы не эта рана,

онъ кита и не узналъ бы. Киты странствуютъ по океанамъ такъ правильно, что китоловы ужъ раньше знаютъ, гдѣ и когда ихъ нужно поджидать. Въ однихъ мѣстахъ киты показываются лѣтомъ, въ другихъ—зимою. Норвежцы высматриваютъ китовъ послѣ Крещенія; въ другихъ мѣстахъ киты появляются около Михайлова дня (8-го ноября). Въ сѣверной Англіи одинъ китъ появлялся въ морѣ близъ небольшой рыбацкой деревушки ежегодно, пѣлыхъ двадцать лѣтъ подъ-рядъ. Каждый годъ на него устраивали облаву. Девятнадцать лѣтъ эта облава была неудачна; на двадцатый годъ кита убили.

Еще мореплаватели рассказываютъ, что киты отлично знаютъ свою дорогу по океанамъ и плывутъ такъ правильно, словно отыскиваютъ путь по звѣздамъ. Иногда киты странствуютъ въ одиночку, иной разъ собираются и стадами. Тогда самцы плывутъ впереди, а самки съ дѣтенышами позади.

Отчего же странствуютъ по океанамъ киты, хотя они холода и не боятся? Оттого, что ежегодно совершаютъ путешествія тѣ животныя, какими китъ питается. Лѣтомъ пищи бываетъ больше въ одномъ мѣстѣ,—киты плывутъ туда; зимою въ другомъ,—киты переселяются въ новое мѣсто. У нихъ заведенъ для путешествій свой особый порядокъ, и порядокъ этотъ держится тысячи, а можетъ быть, и десятки тысячъ лѣтъ.

Какъ путешествуютъ птицы.

Еще замѣчательнѣе порядки у птицъ. Птицы, по древнѣйшему обычаю, каждый годъ дѣлаютъ далекіе перелеты изъ одной страны въ другую. На свѣтѣ мало такихъ птицъ, которыя круглый годъ жили бы на одномъ мѣстѣ. Изъ нашихъ русскихъ птицъ на зиму улетаетъ въ теплые края больше половины. Птицы—народъ кочевой. Онѣ каждый годъ дѣлаютъ взадъ и впередъ по землѣ многія тысячи верстъ и знаютъ такія мѣста, гдѣ въ какое время живется лучше. Имъ приходится дѣлать очень большіе концы. Такъ, напримѣръ, наши ласточки проводятъ лѣто у насъ, а на зиму улетаютъ въ Египетъ. Чтобы добраться до Египта, птица летитъ туда нѣсколько дней. Для нея дорога открытая, — ничто не мѣшаетъ. Въ Египетъ же улетаютъ хохлатые жаворонки, черныя касатки, пѣночки, камышевки и многія другія птицы. Цапли летятъ еще дальше на пол-

день; а еще дальше улетают кукушки и иволги, соловьи, перепела, журавли, аисты. Когда приближается осень, когда солнце грѣетъ съ каждымъ днемъ все хуже и хуже, тогда чувствуютъ птицы, что имъ уже время летѣть въ теплые края. Онѣ собираются стаями и пускаются въ путь. О путешествіяхъ птицъ рассказываютъ очень много замѣчательнаго. Каждая птица странствуетъ на свой образецъ; у каждой породы свои обычаи и привычки, свои излюбленныя дороги и мѣстожителства. Иныя птицы летятъ небольшими стадами, другія—огромными стаями. Напримеръ, дикихъ гусей и журавлей всегда можно узнать, потому что они летятъ высоко-высоко надъ землею вереницею, похожей на клинъ. Есть птицы, которыя собираются такими большими стаями, что ихъ трудно даже вообразить. Особенно велики стаи американскихъ перелетныхъ голубей. Одинъ англичанинъ рассказываетъ, что ему приходилось видѣть, какъ летѣли эти голуби. Они летѣли такъ высоко, что туда не хватило бы и хорошее ружье. Стаи голубей были очень густыя; голуби летѣли въ нѣсколько слоевъ, одинъ надъ другимъ. Ихъ было видно на небѣ и вблизи, и вдали, и вправо, и влѣво; весь небесный сводъ былъ усыянъ ими. Время было около полудня. Англичанинъ сѣлъ и сталъ смотрѣть на летящую стаю. А эта стая все росла и все ускоряла полетъ. Спустя часъ времени, англичанинъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ на встрѣчу голубямъ. Онъ ѣхалъ часа четыре, а стаѣ голубиной, казалось, и конца нѣтъ. Она тянулась у него надъ головой такая же густая, какъ и раньше. Только около пяти часовъ пополудни голубиная туча прервалась. Но за нею стали попадаться отдѣльныя кучи отставшихъ голубей. И эти кучи были очень многочисленны. Только часовъ въ десять вечера англичанинъ увидѣлъ конецъ стаи. Въ длину эта стая занимала верстъ четыреста слишкомъ, да больше десяти верстъ была она въ ширину. Если бы въ этой стаѣ голуби летѣли не въ нѣсколько слоевъ, а въ одинъ слой, такъ и то тамъ было бы не меньше трехъ милліардовъ голубей *).

*) Милліардъ—то же, что тысяча милліоновъ. А три тысячи милліоновъ или три милліарда значить вотъ что: если бы кто захотѣлъ пересчитать три милліарда голубей одного за другимъ и сталъ бы отсчитывать ихъ по три тысячи въ часъ, не переставая считать ни днемъ, ни ночью, такъ и то долженъ бы былъ сидѣть и считать слишкомъ сто пятнадцать лѣтъ.

Такими огромными стаями летаютъ американскіе перелетные голуби. А случается, этакія стаи летать иногда одна за другою.

У нѣкоторыхъ птицъ есть особая замашка, по которымъ издали можно узнать, какаѣ породы летить. Напримѣръ, вотъ какъ летять грачи и галки. Они держатся высоко, а когда летять, все забираютъ выше и выше. Вдругъ во время полета какаѣ-либо птица складываетъ крылья и точно ушибленная падаетъ внизъ. Падаетъ, но до самой земли не долетаетъ: сажень на пятнадцать отъ земли она снова распускаетъ крылья, останавливается и — опять летить впередъ. Такую штуку продѣлываютъ одна за другою всѣ птицы стаи. Затѣмъ полетъ продолжается попрежнему, птицы все забираютъ вверхъ, постепенно поднимаются на большую высоту и продѣлываютъ ту же штуку.

Есть птицы, которыя летаютъ очень быстро. Иныхъ летуновъ не догонять самый быстрый поѣздъ желѣзной дороги. Рассказываютъ, что ласточка можетъ пролетѣть сто тридцать верстъ въ часъ, а стрижь летить раза въ три быстрѣе ласточки. Соколъ, перелетный голубь и многія породы утокъ въ Сѣверной Америкѣ пролетаютъ верстъ по шестидесяти въ часъ или около полуторы тысячи верстъ въ сутки. Есть такія птицы, которыя летять день и ночь, не отдыхая. Таковы, напримѣръ, журавли: пустившись въ путь, они иной разъ не останавливаются до тѣхъ поръ, пока не прилетятъ до мѣста. Птицы, которыя летаютъ не такъ бойко, устраиваютъ свои путешествія иначе. Однѣ летять больше ночью, чѣмъ днемъ: темнота ночи укрываетъ ихъ отъ быстролетныхъ враговъ. Другія птицы, летающія плохо, совершаютъ свои путешествія то пѣшкомъ, то вплавь, а то и летять, какъ умѣютъ. Есть птица коростель-дергачъ; это та самая птица, которая, когда кричитъ, словно скрипитъ и трещитъ; ее всегда слышно по вечерамъ на нашихъ лугахъ и поляхъ. Коростель летаетъ плохо, а бѣгаетъ хорошо. Вотъ онъ во время своихъ путешествій и странствуетъ больше пѣшкомъ, а летить лишь въ случаѣ крайней нужды. Онъ больше бѣжитъ, чѣмъ летитъ. Тоже и перепела: цѣлыя сотни верстъ они дѣлаютъ пѣшкомъ. Ихъ встрѣчали во время перелета и въ Египтѣ, и въ Испаніи, и въ Греціи, и въ Германіи. Люди пользуются тѣмъ, что перепела летаютъ плохо: они убиваютъ этихъ птицъ тысячами. На Нѣмецкомъ морѣ есть островъ Гель-